

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:  
на годъ (50 №№) . . 20 франковъ  
» 3 мѣсяца . . . . 6 »  
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются  
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ  
H. GEORG, Genève, rue de la  
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.  
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

СУББОТА 25 марта 1882  
13 марта

## СОДЕРЖАНИЕ.

1) Поученіе отъ врага. — 2) Мнѣніе иностраннаго дипломата о современномъ положеніи Россіи (Извлеченіе изъ конфиденціальной записки). — 3) На случай войны. Военнаго. — 4) Защитникъ русскаго революціоннаго движенія въ Америкѣ. — 5) Успокоеніе для нѣмецкихъ Катковъ. — 6) Корреспонденція изъ Бѣлграда. Вѣча. — 7) Новости изъ австрійской Украины, М. Драгоманова. — 8) Славянская ода, П. Куліша, (изъ «Свѣта», № 2, 1882). — 9) Литературно-политическія замѣтки. IV. Шевченковскій день въ Австріи и Россіи. М. Драгоманова. — 10) Прощеніе г. Цанкова къ Болгарскому князю. — 11) Извѣстія и замѣтки: а) Обѣдъ у г. Виктора Гюго. б) Празднованіе 18 Марта въ Парижѣ, Цюрихѣ и Женевѣ. — 12) Объявленія.

ЖЕНЕВА, 25 марта 1882 г.

Ниже мы помѣщаемъ конфиденціальную записку о современномъ положеніи Россіи, представленную въ самое недавнее время однимъ иностраннымъ дипломатомъ своему правительству. Исполняя просьбу доставившаго намъ этотъ документъ, мы выбрасываемъ изъ него все, что носитъ на себѣ характеръ пикантнаго разоблаченія личностей и удерживаемъ безъ всякихъ измѣненій тѣ мѣста записки, въ которыхъ изображается внутреннее состояніе нашего отечества, въ увѣренности, что голосъ внимательнаго посторонняго наблюдателя поможетъ многимъ уразумѣть истину.

Сужденія автора записки, очевидно, посятъ на себѣ печать его національности и какъ бы нераздѣльной съ нею предразсудочности взгляда на происходящее въ Россіи движеніе. Эта предразсудочность особенно сказывается въ мнѣніи, будто національное пробужденіе эстовъ и латышей «враждебно всякой культурѣ», въ чувствительности слуха à la Катковъ къ говору на польскомъ языкѣ и въ странномъ смѣшеніи цѣлей московскихъ славянофиловъ съ планами такъ называемой «аграрной революціи».

Но за то въ запискѣ метко очерчено внутреннее и внѣшнее безсиліе сдѣлавшихся неосуществимыми болѣе чаяній московскихъ пророковъ, узкость и нетерпимость ихъ политическихъ воззрѣній, «туманность чувства и вождельній» по недоразумѣнію стремящихся къ нимъ на встрѣчу. Съ не меньшею ясностію изображена также неспособность нынѣшняго петербургскаго правительства справиться съ внутреннею анархіей и выставлены на видъ осложненія среднеазиатской политики всероссійскаго колосса, возникшія на китайской границѣ вслѣдствіе рѣшительнаго поворота Небесной имперіи въ сторону европейской культуры и недавняго расширенія русскихъ владѣній на счетъ воинственныхъ племенъ, слишкомъ усвоившихъ себѣ свою степную самобытность, чтобы безпрекословно подчиниться налагаемымъ на нихъ завоевателемъ новымъ государственнымъ обязанностямъ. Авторъ записки приходитъ къ рѣшительному заключенію, подтверждаемому также и печатаемою нами въ этомъ № замѣткою подъ заглавіемъ «На случай войны», что «Россія въ настоящее время должна желать мира и болѣе всего боится войны», а потому-де теперь то именно и настала пора для энергической политики Австріи и Германіи на Востокѣ. По его мнѣнію, Россія можетъ возвратитъ себѣ мѣсто, которое прежде занимала въ Европѣ, не иначе, какъ «посредствомъ напряженія всѣхъ силъ страны», въ свою очередь «возможнаго единственно при соединеніи въ патріотическомъ одушевленіи различныхъ общественныхъ группъ и партій и при цѣльной и послѣдовательной правительственной системѣ».

Лучше и яснѣе нельзя начертать главныхъ условій возрожденія государственнаго организма Россіи. Читатели наши помнятъ, конечно, что мы именно ставили цѣлью на-

шихъ стремленій объединеніе общественныхъ силъ въ борьбѣ съ произволомъ и такое переустройство внутренняго управленія, которое покоилось бы не на личныхъ разсчетахъ или предпочтеніяхъ правителей съ ихъ прислужниками, а на постоянныхъ, природныхъ интересахъ народовъ, совмѣстно обитающихъ на великой восточно-европейской равнинѣ, съ востока и запада открытой для вторженія врага. Только такое переустройство въ состояніи дать Россіи и строго патріотическую, и цѣльную, и послѣдовательную правительственную систему.

## МНѢНІЕ ИНОСТРАННАГО ДИПЛОМАТА О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ РОССІИ. (Извлеченіе изъ конфиденціальной записки).

...Въ европейской прессѣ и публикѣ въ послѣднее время установилось мнѣніе, что воинственныя намѣренія этого государства (Россіи) угрожаютъ спокойствію нашей части свѣта. Нѣсколько полемическихъ статей русскихъ газетъ, бряцанье саблею рубакъ, въ родѣ Скобелева, и крики шовинистскихъ панславистовъ произвели столь сильное впечатлѣніе, что даже въ компетентныхъ кругахъ появились серьезныя опасенія за поддержаніе мира, какъ будто воля правительства и желанія большинства населенія Россіи не заслуживали болѣе быть принятыми въ соображеніе. Но, однако, народъ русскій по инстинкту, правительство же вслѣдствіе извѣстнаго ему положенія имперіи, — оба совершенно нерасположены къ какому бы ни было воинственному предпріятію. Чтобы убѣдиться въ этомъ слѣдуетъ только безъ предвзятой мысли и внимательно разсмотрѣть настоящее положеніе Россіи.

## I.

Несмотря на тяжкіе удары, которымъ подверглись здѣшніе революціонеры со времени восшествія на престолъ Александра III, было бы большою ошибкой считать эту опасную партію уничтоженною или сдѣлавшеюся безвредною. Напрс-

кихъ союзомъ теперь самое настоящее дѣло для Галиціи украинской, какъ и польской и слѣдовало бы въ этомъ дѣлѣ крестьянамъ обѣихъ націй выступить сразу, дружно. Предлагаю скопировать нѣмецкій меморандумъ, украинская газета говоритъ: «пошлемъ и мазурамъ это письмо, — пусть и они подписываютъ, потому, что они имѣютъ одинаковыя съ нами потребности; они намъ равны и братья, а противники наши только польскіе паны да подпанки». Все это очень отрадно читать въ галицкой популярной газетѣ. Только мемуара мало, — надобна постоянная организация, хотя бы на первыхъ порахъ самая скромная: въ родѣ уже существующихъ въ нѣмецкихъ земляхъ Австріи крестьянскихъ союзовъ. Неужели во Львовѣ не найдется никого, чтобы взять на себя инициативу такой организаціи въ хотѣ окрестностяхъ Львова, гдѣ кстатіи есть крестьяне и русины, и поляки?

Во всякомъ случаѣ разбираемая передовая статья названной газеты представляетъ утѣшительное явленіе послѣ столькихъ лѣтъ сервиллизма и узкоглядства галицкой прессы, — и слова ея: «доля не придетъ сама собою; нужно самому стараться для своего добра. Если будемъ тихо сидѣть, молчать и ждать, пока намъ дадутъ что добраго сверху, то можемъ еще долго прождать... Смотрите, какъ дѣлаютъ другіе для своего спасенія: нѣмецкіе крестьяне кричатъ, а ирландскіе даже бунтуютъ!» — найдутъ, конечно, отголосокъ и среди крестьянства. Только надо успѣшить закрѣпить впечатлѣніе — фактомъ. Такимъ фактомъ, самого умѣреннаго характера, было бы, по нашему мнѣнію, созваніе польско-русинскаго митинга съ цѣлью заложения крестьянскихъ обществъ въ обѣихъ половинѣхъ Галиціи.

М. Драгомановъ.

#### СЛАВЈАНСЬКА ОДА \*).

Відгук на панславистичне гукань-  
ще по Европі Російського Архип-  
стратига Скобелева.

Славянскіе ль ручьи сольются въ рус-  
скомъ морѣ,  
Опо ль изсякнеть — вотъ вопросъ!  
Пушкинъ.

Обманщице, кого ти не лестила,  
Кому м'якихъ не слала ти перин?  
Ще мало ти льудей занапастила,  
Що вірили обіцанкамъ твоїмъ!...

«Свѣтоју» ти себе провозгласила  
І небеса під себе осьягла,  
А на землі твоја печиста сила  
Славянську кров сторікамъ лила.

Объяти світ залізними руками  
Силкуєсеа, пчоб людському уму  
Спорудити с продажними нонами  
Вселенську безвиходну тюрму.

І всіх Славјан скликаєш во једино:  
«Зливайтесе: ја — море, ви — ручјі...  
Корітесе і пахилјате спину,  
Хилітесе під присуди мої.

\*) Перепечатаемъ изъ 2 № «Свѣта» за 1882 г.  
Ред.

«У мене ви дознаєте впокоју,  
Як праведні у бога за дверми:  
У багнншчі, стојачоју водоју,  
Гнистимете з московськими людми.

«А як на вас коли, в лиху годину,  
Воздвигне врагъ безошчаду војну,  
То вирикє вас тільки половиною,  
А там пријду і вас оборону...»

Да славншца Народ Освободитель!  
Да шествує во слід йому біда:  
Да буде він во віки побідитель!  
Да льєтєца кров славянська як вода!

П. Куліш.

## ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

### IV.

Шевченковскій день въ Австріи и Россіи.

Давно уже день смерти Шевченка (26 февр., 10 марта) сдѣлался повсюду, гдѣ находятся украинцы, днемъ публичныхъ собраній, на которыхъ такъ или иначе, сообразно степени развитія собравшихся и, надо прибавить, особенно о Россіи, политическому барометру, поминается словомъ, а иногда и дѣломъ (подпиской въ пользу какого либо учрежденія) имя человека, котораго Герценъ справедливо называлъ «едва ли не единственнымъ народнымъ поэтомъ». При большей свободѣ, въ Австріи эти собранія получили характеръ національно-политическихъ митинговъ, по поводу которыхъ русины разныхъ мѣстностей, провинцій и мѣстныхъ обществъ по крайней мѣрѣ привѣтствовали, которыя свидѣтельствуютъ объ извѣстномъ общемъ для нихъ началѣ, — и въ послѣднее время пріятно видѣть, что этимъ началомъ становится все больше завѣтъ Шевченка «обнимите наименьшаго брата». Послѣ 1866 г., когда московская нетерпимая централистическая нота была внесена и въ Галицію, нашедши здѣсь себѣ опору въ клерикальной реакціи и своего рода поповско-бюрократическомъ аристократизмѣ, — поминки Шевченка были въ теченіе болѣе 10 лѣтъ встрѣчаемы враждебно со стороны той партіи, которую не совсѣмъ справедливо называли общерусскою (такъ какъ значительная часть ея не любитъ «козацкаго украинства» вовсе не изъ московскаго панрусизма, а изъ австро-уніатскаго «рутенизма»), — и поминки эти имѣли болѣе или менѣе партіозный характеръ, — собраній «молодой» партіи, или лучше молодыхъ партій. Поминательныя собранія 26 февраля не допускались напр. въ львовскій «Народный Домъ», національную собственность, которая раскрывала однако-жъ свою залу для увеселеній, не имѣющихъ ничего общаго ни съ народомъ вообще, ни съ русинскимъ народомъ, на деньги котораго она устроена, въ особенности. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, на шевченковскія собранія стали появляться и литературные представители старыхъ партій, а съ прошлаго года распорядители «Народнаго Дома» допустили собраніе и въ стѣны этого храма. Въ настоящемъ году празднество Шевченка ознаменовалось со стороны одного изъ пред-

ставителей старыхъ партій только маленькою, хотя и характерною выходкою, о которой сообщаетъ львовскій журналъ «Свѣтъ»: Крылошанинъ Павликовъ не позволилъ своей дочери пѣть въ хорѣ и отвѣтилъ депутаци, которая явилась къ нему просить объ этомъ позволеніи: «не позволю, потому что Шевченко былъ «схизматикъ» (православный). Слѣдуетъ замѣтить, что г. Павликовъ состоитъ председателемъ того самого литературно-хозяйственнаго общества «Имени Качковскаго», между членами котораго теперь произведено нѣсколько арестовъ по поводу ихъ «москвофильства» и о преданности котораго «Москвѣ и шизмѣ» столь много накричали польскія газеты со злостію и російскія съ радостію. Какъ прогрессъ нынѣшняго года, слѣдуетъ отмѣтить болѣе значительное участіе въ празднованіи Шевченкова дня буквинцевъ, которые до сихъ поръ были подъ сильнѣйшимъ давленіемъ старыхъ партій. Только еще Мукачевская Крапна или Русь Венгерская блистаетъ отсутствіемъ въ этотъ день: образованные люди ея, презирая «языкъ слугъ», дѣлятся между прихвостничествомъ передъ венгерскими «господами», или мечтами о приходѣ «господъ» изъ Москвы, или соединяютъ то и другое вмѣстѣ, — а «слуги» въ этой землѣ до сихъ поръ и не слыхали, что среди ихъ братьевъ по ту сторону Карпатъ былъ великій кобзарь «воли, правды и науки».

Въ двухъ центрахъ особенно бывають интересны собранія въ день Шевченка: въ Львовѣ, столицѣ Галиціи, и въ Вѣнѣ, гдѣ учится много молодежи русинской въ университетѣ и въ духовной семинаріи, гдѣ проживають по временамъ русины депутаты парламента, военные и гдѣ въ день этотъ на собраніе являются представители всѣхъ славянскихъ народовъ Австріи, а иногда и находящіеся тамъ временно россияне, украинцы и великоруссы, болѣею частію молодые ученые, знакомящіеся съ русинами въ аудиторияхъ, лабораторіяхъ да въ читальнѣ общества «Січ» (Сѣчъ). Поминательное торжество обыкновенно состоитъ изъ рѣчей, декламаций, пѣнія, музыки и чтенія телеграммъ.

Давая отчетъ о львовскомъ собраніи этого года, газета «Діло» говоритъ, что въ виду теперешнихъ преслѣдованій русиновъ, оно «стало всенародною манифестаціею, которая безъ большого шума и крику разогнала (?) темныя тучи на нашемъ горизонтѣ, отразила бурныя волны напастливаго пристрастія враговъ Руси и влила въ сердца наши новую отвагу, новое сознаніе нашего народнаго идеала, нашей правды и силы». Подробности описанія львовскаго собранія мало, впрочемъ, способны подтвердить эти слова. Самою крупною частію вечера была рѣчь г. Барвинскаго, редактора «Діла», о которой сказано въ этой газетѣ, что она, «благодаря теперешнимъ обстоятельствамъ, должна была получить характеръ болѣе метафорической образности, чѣмъ наглядной ясности». Къ сожалѣнію, метафорамъ г. Барвинскаго не доставало и ясности переносной, а къ тому же и вѣрности, и въ этомъ вридь ли можно винить только однихъ «обстоятельства»; — виновата, очевидно, неясность и самаго сознанія своего положенія и обязанностей у людей, которыхъ представлялъ ораторъ, и привычка къ

фразеологизм, вместо реальных идей о прошлом и настоящем.

Так, порабощение украинской нации в прошлом столетии оратор изображал с такою «метафоричною образностью»: «На тихий плеск, на спокойное, как невинная улыбка дитяти, чистое зеркало нашей народной жизни, озолоченное первыми розовыми лучами весеннего солнца и проч. и проч. — с Севера и Запада налетели туманны, темные, злобные тучи, загромили подземные(?) громамы» и проч. и проч. — почти на целую колонну фельетона. В действительности порабощение Украины туземцами Севера и Запада случилось после раздела ее сначала между Польшою и Московией, а потом между ними и Турцией в к. XVIII в., т. е. вовсе не «весною» и не среди невинных улыбок, а среди бурной эпохи козацко-крестьянских войн, продолжавшихся целое столетие. Время перед появлением Шевченка оратор изображает так: «Затихла пала весенняя пѣсня на шпрокой Украинѣ, замолкло наше родное слово на козацкой землѣ и пр. и пр. и диво дивное: среди тьмы, туч и громовъ съ сѣвера и запада и т. д. послышался голосъ нашего великаго пароднаго кормчаго», т. е. Шевченка, «богатыря-молодца, генія» и т. п. В действительности было только то, что, при политическом порабощении края и социальной неволе массы, аристократия на Украинѣ перешла въ чужія національности, — по ни родная пѣсня, ни слово не замолкло на Украинѣ, — оттого, какъ только съ конца XVIII в. повѣяло изъ Европы свободнымъ вѣтромъ, отголоскомъ грома политической и социальной революционной буря, — такъ это слово простаго народа получило уваженіе отъ болѣе чувствительныхъ и догадливыхъ представителей образованныхъ классовъ, — а постепенное распространение образованія и правъ повело къ большому развитію національнаго сознанія на Украинѣ, въ каковомъ нашла себѣ мѣсто и болѣе энергичскіе элементы простонародья, не забывшаго своей старой грозной борьбы за свободу. Сообразно этому, въ действительности Шевченку предшествовали литературныя попытки писанія украинскаго, непрерывавшіяся вовсе и въ XVIII в., предшествовало собраніе памятникъ пароднаго слова, изученіе исторіи края, а на окончательное формироуаніе идей «великаго кормчаго» имѣли вліяніе и его товарищи, напр. федерально-демократическіе панслависты, въ родѣ Костомарова. Такому реальному пониманію украинской исторіи и положенія въ ней великаго кормчаго соотвѣтствуетъ и опредѣленіе роли заурядныхъ людей среди современныхъ украинцевъ (ибо богатыри дѣло рѣдкое!): осматривайтесь реально около себя, дружно работайте въ направленіи политическаго, социального и культурнаго освобожденія массы, — и побѣдите тучи и сѣверныя, и западныя, и всякія шия, еще при помощи подобныхъ вамъ борцовъ сѣверныхъ, западныхъ и пр. и пр. А съ метафорами да съ пассивнымъ культомъ богатырей-молодцевъ далеко не уйдете.

Къ сожалѣнію, въ рѣчахъ и телеграммахъ, читанныхъ на собраніи 26 февраля во Львовѣ, гораздо болѣе метафоръ, преклоненія передъ богатыремъ и вообще чувства, чѣмъ

энергической мысли и яснаго желанія. Больше всѣхъ понравилась намъ телеграмма академическаго (университетскаго) общества «Союзъ» въ Черновцахъ: «слава почитателямъ незабвеннаго кобзаря-мученика! Пусть любовь, которою онъ любилъ свою мать-Русь (Украину), обниметъ всѣ русскія сердца и сгнѣтъ вражда и несогласіе. Обнимите же, братья мои, наименьшаго брата; пусть улыбнется мать, заплаканная мать!» Но съ грустнымъ чувствомъ и, надо сознаться, съ пожатіемъ плечъ, прочитали мы телеграмму изъ Фочы, въ Герцеговинѣ: «Съ побонща на далекомъ югѣ посылаемъ вамъ, братья, искренній привѣтъ и: боже, помоги! на великій праздникъ нашего Тараса и среди града пуль восклицаемъ: «еще не умерла Украина!» Русины (военные)».

Болѣе опредѣленный смыслъ имѣютъ телеграммы, полученныя въ Вѣнѣ обществомъ «Січ», на устроенномъ имъ праздникѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и праздникомъ XV годовщины существованія «Січи». Тутъ были представители обществъ: «Буковина», Akademicky Spolek (чешск.), Ognisko (польск.), Slovenia, Sokol, Tatra (словацк.), Зора (сербск.) Zvonimir (хорватск.), и нѣсколько ученыхъ изъ Россіи, въ томъ числѣ и великоруссы. Січѣта была между прочимъ и великорусская пѣсня и повтора. Денги были получены изъ разныхъ мѣстъ Галиціи, Буковины, изъ Женева, изъ Босніи и Герцеговины. Львовскіе семинаристы почтили Шевченка, какъ «мученика за права человѣчности». Редакція львовской популярной газеты «Батьківщина» выразила желаніе, — «чтобъ свѣтомъ науки побороть царство тьмы и братскою рукою избавить приниженный мужицкій народъ изъ темной норы и посадить его за всемірное ниршество». Украинская громада въ Женевѣ, привѣтствуя всѣхъ, собравшихъ во имя Ш—ка, пригласила специально «товарищей русиновъ нести идеи его глубоко въ народъ, — свой и въ сосѣдніе. Силъ побѣдите!»...

Что касается до связанной съ Шевченковымъ днемъ XV-й годовщины «Січи», то она ознаменовалась чтеніемъ очерка исторіи товарищества за 15 лѣтъ его существованія. Очеркъ этотъ еще не появился въ печати цѣлкомъ, — а, по извлеченію, напечатанному въ 18 № «Дѣла», видно, что въ немъ было обращено особенное вниманіе на основаніе библіотеки и на преобразование товарищества изъ время-препровождительнаго въ литературное, послѣ чего «Січ» выдала «Короткую исторію Малорусскую» г. Маркевича и 4 выпуска поэзій Шевченка. Библіотека въ «Січи», точно, очень порядочная и замѣчательная она между прочимъ тѣмъ, что это самая богатая въ Австріи библіотека по частіи великорусскихъ книгъ (кроме, разумѣется, библіотекъ чешскаго музеля). Но мы прибавимъ, что библіотека эта была увеличена особенно въ то время, когда «Січ» была въ особенно оживленныхъ сношеніяхъ съ русскою Украиной (въ 1873—76 гг.) Въ послѣднее время сношенія эти не поддерживались и библіотека далеко не процвѣла. Что касается до издательской дѣятельности «Січи», то уже изъ того, что она ограничивается литьемъ брошюрками, видно, что по этой части по-

хвастаться обществу особенно не чѣмъ, — а кто знаетъ это дѣло въ подробностяхъ, тотъ можетъ и долженъ сказать, что въ издательской частіи «Січ» подвизалась болѣе ко стыду, чѣмъ ко славѣ. Первый выпускъ «Короткой исторіи малор. народа» былъ изданъ ею еще въ 1874 г. по рукописи, переданной изъ Россіи; послѣ того еще въ 1875 г. переданъ былъ «Січи» 2-й выпускъ, который такъ и не увидѣлъ свѣта, хотя о приготовленіи его къ изданію общество объявляло даже печатно. Изданіе 4 брошюръ изъ Шевченка — произошло такъ: когда печаталось въ Прагѣ (въ 1875 — 76 гг.) полное изданіе «Кобзаря», то нѣсколько пьесъ (въ томъ числѣ «Марія») были отбиты особыми брошюрами для распространенія въ средѣ крестьянъ и предоставлены въ распоряженіе «Січи». «Січевики» очень не энергичски занимались этимъ распространеніемъ, пока наконецъ въ 1877 г., во время гошкы галицкой полиціи за украинскими социалстами, полиція и вѣнская провѣстка въ «Січ» и не забрала упомянутыя брошюры, — конфисковать которыя она не имѣла права, какъ уже упомянутыя въ 1875—76 гг.

Тѣмъ не менѣе «січевики» не обжаловали дѣйствій полиціи, которая, если не ошибаемся, и до сихъ поръ не возвратила имъ забранныхъ брошюръ, которыхъ во всякомъ случаѣ нѣтъ ни въ продажѣ, ни въ распространеніи въ австрійской Украинѣ. Возвѣщавшіе же въ 1875—76 гг. на публичныхъ собраніяхъ, — въ томъ числѣ и на Шевченковскихъ собраніяхъ, планы «січевиковъ» объ изданіяхъ популярно-научныхъ до сихъ поръ нѣсколько не осуществлены. Послѣ всего сказаннаго можно даже спросить: какое основаніе «Січ» имѣетъ называться литературнымъ обществомъ?! Да и вообще вада признаться, что «Січ» вовсе не оправдала надеждъ, которыя внушало уже одно ея имя, а въ эпоху 1875—76 гг. и ея публичныя деклараціи. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы должны оговориться, что мы вовсе не требуемъ, чтобъ «Січ», — общество открытое, національное (Landsmannschaft) и литературное, — была обществомъ революционнымъ, партійнымъ или даже политическимъ. Нѣтъ! Всякому дѣлу — свои средства! Но мы думаемъ, что, сохраняя вполнѣ свой открытый, національно-культурный характеръ, — но только энергически дѣйствуя, — «Січ» могла бы сдѣлать гораздо болѣе и для австрійскихъ украинцевъ, и для всего украинскаго дѣла, и для пропаганды его среди славянской публики... Впрочемъ, обсуждая дальше этотъ предметъ, мы бы шли далеко. Sapienti sat!

Шевченковский день въ этомъ году не прошелъ незамѣтно и въ Россіи. Во Львовѣ была прочитана телеграмма, посланная въ этотъ день изъ Кіева, а въ русскіихъ газетахъ мы прочитали извѣстіе о поминаніи этого дня и въ другихъ городахъ: — концертомъ (въ Петербургѣ) и панихидами (въ Москвѣ и Харьковѣ)\*). Въ Москвѣ, впрочемъ, съ разрѣшенія начальства» поминали поэта «ис-

\*) Въ газетѣ «Трудъ» сказано о петербургскомъ концертѣ: «музыкальный кружокъ, организовавшій вечеръ, собственно чуждъ, какъ Малороссіи, такъ и Шевченку, и устроилъ этотъ вечеръ, отвѣчая на чисто общественную потребность».

злим—тихим словом»; было и вечернее собрание в одной из гостиниц, где «земляки» вспомнили поэта «рідноју мовоју і рідноју пісню». Очевидно, что все эти собрания столь уже постыдного характера, в идейном, конечно, смысле, что они возбуждают только чувство неудовлетворенности во многих почитателей Шевченка. Многие из них, — порадикальнее, просто сторонятся от всяких публичных и полупубличных, легальных и полунелегальных (по российской мѣркѣ) демонстрацій в Шевченковский день. Другие, даже из умѣренных, выражают желаніе ознаменовать свою память о Шевченкѣ, чѣмъ нибудь если не болѣе дѣловымъ, то болѣе прочнымъ, чѣмъ «сумованіе» и пѣсни 26 февраля. Предлагаютъ то устройство памятника на могилѣ Тараса, то школы его имени, то памятника ему в Кіевѣ и т. п., но все эти планы обыкновенно ни къ чему не приводятъ. Мы осмѣливаемся думать, что они, при настоящихъ обстоятельствахъ в Россіи, ни къ чему и не могутъ привести, — кромѣ развѣ добровольнаго доноса на самихъ себя со стороны умѣренныхъ любителей украинской національности и народа. Возьмемъ — те примѣры прошлаго: тотчасъ послѣ похоронъ Ш-ка в Петербургѣ кружокъ друзей его позволилъ собирать деньги на устройство около его могилы подѣ Каневомъ ремесленной школы. Деньги были собраны, — но школа не была открыта, благодаря российской администраціи. Школу приходилось открывать на землѣ, принадлежавшей городскому каневскому обществу, — а кіевск. генер. губ. Анненковъ — (который вмѣстѣ съ кіевскимъ предводителемъ дворянства Горватомъ, прошившимъ о срытіи могилы Ш-ка, какъ бунтующей крестьянъ, представлялъ в Петербургъ, что проводимая импемъ Ш-ка пропаганда страшнѣе польскаго возстанія) приказалъ каневскому обществу, дѣтей котораго школа бы и учила, — отказать въ уступкѣ земли подѣ школу. У подножья горы, на которой погребенъ Ш-ко, — поставленъ былъ на время пріѣзда пароходовъ кварталный, который спрашивалъ паспорта и записывалъ имена лицъ, поднимавшихся на могилу. Мало по малу о школѣ перестали говорить, а могила пришла въ запустѣніе. Наконецъ послѣ одного вечера 26 февраля (въ 1875 г.) в Одессѣ образовался кружокъ, который напечаталъ нѣсколько брошюръ и статей о Ш-кѣ и сталъ собирать деньги и на памятникъ на могилѣ, и на школу. Кончилось тѣмъ, что казначей кружка былъ сосланъ въ архангельскую губернію. Настала Лорисовская оттепель, — и опять сердца легальныхъ поклонниковъ Ш-ка затеплились надеждою. Нѣсколько гласныхъ кіевской думы подали заявленіе о наименованіи одной городской школы именемъ Шевченка. Назначено было время обсужденія предложенія. Какъ вдругъ 1 марта (1881 г.)! Одинъ изъ подписавшихъ предложеніе, кн. Репнинъ, отказался отъ своей подписи, — «въ виду событія 1 марта.» Дума рѣшила вопросъ о Шевченковской школѣ отрицательно!

Курьезнѣе былъ отказъ кн. Репнина, — постыдно было рѣшеніе думы, — по странному были и доводы защитниковъ предложенія

и въ думѣ, и въ печати. Шевченка сравнивали и съ Некрасовымъ, и съ Достоевскимъ, памяти которыхъ тогда производились оваціи съ разрѣшенія начальства; говорили даже, что Шевченко, какъ и убитый 1 марта царь, — желалъ освобожденія крестьянъ. Слыша такіе рѣчи, невольно являлся вопросъ: кого тутъ дурачатъ больше? публику или самихъ себя?? Но несомнѣнно, что начальство одурачить было трудно: оно прекрасно понимаетъ разницу между Шевченкомъ, — котораго половину сочиненій нечего и думать печатать в Россіи, и Некрасовымъ, даже если бы послѣдній не писалъ стиховъ въ честь царя и Муравьева, — между Шевченкомъ, который и по возвращеніи изъ ссылки, идя мимо Петропавловской крѣпости, думалъ, «про те жѣ таи, шчо і перше думавъ», — и Достоевскимъ, который прославлялъ монархію и даже благотѣльное вліяніе каторги, — между Кобзаремъ и Положеніемъ 19 февраля 1861 года. Своими «благонамѣренными рѣчами» защитники проекта о Шевченковской школѣ в Кіевѣ не могли удовлетворить ни независимыхъ людей въ обществѣ, ни начальства, — такъ какъ искренни они могли быть только въ томъ случаѣ, если бы они не знали сочиненій Шевченка; — а такъ какъ начальство послѣдняго допустить не можетъ, то оно должно было записать ихъ въ «хитрыхъ хохловъ» — и взять ихъ подѣ надзоръ полиціи!

Теперь уже читаемъ въ южнорусскихъ газетахъ голоса о томъ, что «теперешнюю школу» даже и странно посвящать памяти Шевченка, — но вмѣсто школы нѣкоторые предлагаютъ строить памятникъ Шевченку на тѣхъ же, напр., началахъ, на какихъ поставленъ въ Нѣжинѣ памятникъ Гоголю.

Это значитъ опять искать такой думы, которая бы взяла на себя инициативу дѣла, — или опять составлять частный комитетъ, т. е. опять набраться униженій и, не добившись ничего, подать на себя доносъ!

Какъ такъ не понять, что, если бы даже Шевченка и можно было уложить въ какія либо легальныя формы, \*) то въ теперешней Россіи никакая легальность не возможна? Вѣдь давно сказано, — что в Россіи «въ сенатѣ нѣтъ закона, — въ немъ столбъ, а на столбѣ корона!» А около короны (извините за рифму) — полицейскіе бароны, изъ которыхъ у каждого своя фантазія. Какая же тутъ можетъ быть легальность! А потому почитателямъ Шевченка в теперешней Россіи нечего и совѣтаться въ легальность съ ихъ культомъ, — и если кто не находитъ, что лучшая форма культа Шевченка — это пропаганда въ массахъ его идей, наиболѣе согласныхъ съ идеями европейскаго радикализма, — политическаго, социальнаго и культурнаго, — и если кто желаетъ ограничиться исключительно литературною формою культа поэта, тѣмъ всего благоразумнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, до установленія в Россіи хоть элементарной политической свободы, перенести точку про-

\*) У Шевченка нелегальность не есть грѣхъ молодости, какъ у Пушкина, — и не крайніе побѣги, какъ у Некрасова. Онъ весь нелегаленъ, — и даже то, что могло бы быть у него легально, — чисто національная его сторона, — станетъ легальнымъ только тогда, когда Россія станетъ федеральною.

явленія своего культа и жертвоприношенія для него — за границу, лучше всего въ австрійскую Украину. По настоящему положенію послѣдней, всего цѣлесообразнѣе было бы для литературнаго культа Шевченка, — по нашему мнѣнію, основаніе во Львовѣ бібліотеки его имени, которая бы представляла тамошней публикѣ, особенно молодежи, книги объ Украинѣ и потомъ о Россіи и о Славянищинѣ вообще, преимущественно о положеніи и интересахъ тамъ народныхъ массъ. Библиотека эта должна быть поручена нарочитому обществу изъ мѣстныхъ людей, — конечно, независимаго образа мыслей, и съ такимъ статутомъ, при которомъ обезпечено было бы, что бібліотека не станетъ достояніемъ узкаго кружка.

Мы позволимъ себѣ закончить эту статейку предложеніемъ лицамъ, сочувствующимъ сказанному плану в Россіи и въ Австріи, равно какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, — высказать о томъ свои соображенія печатно, или переслать ихъ для напечатанія въ «Громадѣ», или въ «Вольномъ Словѣ», редакция котораго, надѣмся не откажетъ на то въ своемъ согласіи.

М. Драгомановъ.

Въ 24 № «Братства», по просьбѣ г. Драгана Цанкова къ редакціи, напечатано его прошеніе къ князю Баттенбергу. Посылаю вамъ переводъ этого прошенія.

Ваше Высочество!

Извините, если обращаюсь прямо къ Вашему Высочеству съ дѣломъ, которое относится собственно къ области обыкновенныхъ судовъ. Не разъ мнѣ приходилось видѣть, что судебная власть отказывается примѣнять силу закона къ чиновникамъ, которые при исполненіи Высочайшихъ распоряженій злоупотребили своею властью и оскорбляли частныхъ лицъ. Въ виду этого, осмѣливаюсь обратиться прямо къ Вашему Высочеству съ просьбой, сообразивъ дать приказаніе о разсмотрѣніи поведенія софійскаго полицмейстра г. Николаева по отношенію ко мнѣ при моей высылкѣ изъ Сербіи въ Вратцу. Ревность съ которой Ваше Высочество стремится уничтожить всякую неправду въ своей державѣ, даетъ мнѣ надежду увидѣть должное наказаніе за злоупотребленіе властью. Я не ищу личнаго удовлетворенія. Я всегда переполненъ подобными оскорбленіями и несправедливостями, которыя даютъ мнѣ больше смѣлости для дѣятельности въ пользу общаго блага. Я ищу удовлетворенія для общаго мнѣнія о теперешнемъ ходѣ управленія.

6-го (18) февраля часамъ къ 4 утра въ мою спальню вошла служанка и разбудила меня, сказавъ, что двое изъ полиціи хотятъ говорить со мною. «Зажгите свѣчу, отвѣтилъ я ей, и попросите ихъ войти сюда.» Вошелъ г. Николаевъ, софійскій полицмейстеръ, вмѣстѣ съ другимъ чиновникомъ въ мундирѣ прістѣва, имени котораго не знаю, и сказали мнѣ почти эти слова:

«Извините, г. Цанковъ, что пришелъ къ вамъ въ такое время, но я это дѣлаю по обязанности службы» — «Ничего», отвѣтилъ я ему, «понимаю, что значитъ обязанность для чиновника, но извольте сообщить мнѣ, по